

Предметом моего доклада является проблема несколько более широкая, чем философское творчество Людвиг Витгенштейна. Однако Витгенштейн был одним из тех мыслителей, которые видели её максимально ясно.

В «Логико-философском трактате» Витгенштейн пишет о том, что мир есть совокупность фактов, которые могут быть отражены в языке, говорящем лишь то, что может иметь место, то есть факты. Их мы обнаруживаем уже наличными или, по крайней мере, логически возможными. Что касается формы этих фактов, то есть того, как устроен мир, Витгенштейн считает, что единственная необходимость, которая присутствует в фактах, – это логическая необходимость. Именно логическая форма налагает ограничения на природу и исключает, к примеру, возможность нахождения одного и того же объекта в разных местах одновременно. Всё же, что есть в фактах, кроме логики, – случайно. Витгенштейн даже пишет: «Можно полностью описать мир при помощи вполне обобщённых предложений, т.е. не согласовывая заранее какое-либо имя с определённым объектом. Чтобы затем перейти к обычному способу выражения, нужно просто к выражению «имеется один и только один *x*, который...» прибавить: «и этот *x* есть *a*»¹. Логика есть форма мира.

Факты сами по себе не обладают большей или меньшей ценностью, поскольку не удовлетворяют критерию логичности они вообще не могут, а наличие или отсутствие их в мире, конечно, не может придавать им большую или меньшую моральную значимость. Иными словами, Витгенштейн хочет сказать, что критерий должного не имеет отношения к тому, что происходит или может происходить в мире, то есть, если переходить уже к интересующей нас области фактического, к самому образу действия. Это становится очевидным, если взглянуть на структуру любого морального утверждения, к примеру, такого: «Нельзя убивать других людей». Сам по себе принцип действия, в данном случае «убивать других людей», может быть действительным фактом или возможным, но в своей фактичности ничем не будет отличаться от любого другого, даже от падения камня². Определяет же этот факт как недолжный, то есть делает его, собственно, «убийством», нечто вне самого факта, то есть вне языка и вне мышления, коль скоро оно лишь дискурсивно. «Если есть ценность, имеющая ценность, то она должна лежать вне всего

---

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Канон, 2008. – С.160 [5.526]

² Этот пример приводит сам Витгенштейн в Лекция об этике (1929 или 1930) // Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916. – М.: Канон+, 2009. – С. 33

происходящего и вне Такого (So – Sein). Ибо все происходящее и Такое – случайно. То, что делает это не случайным, не может находиться в мире, ибо в противном случае оно снова было бы случайным»³.

И здесь мы выходим в область того, что Витгенштейн считает трансцендентным миру. Витгенштейна меньше всего волнует, как мир есть. То, как мир есть, – не важно. Мистическое, согласно Витгенштейну, состоит прежде всего в том, что мир (мир объектов в логическом пространстве) есть⁴. И смысл мира, если он есть, лежит за пределами мира [6.41]. Почему? И чем он является?

В системе Витгенштейна с определённой долей вероятности можно назвать этот смысл эстетикой мира. Витгенштейн не так часто упоминает об эстетике (как в Логико-философском трактате, так и в своих дневниках). Седьмого октября 1916 года Витгенштейн пишет следующее: «Произведение искусства – это предмет, видимый *sub specie aeternitatis*⁵; а хорошая жизнь⁶ – это мир, видимый *sub specie aeternitatis*. В этом связь между искусством и этикой. Обычный способ рассмотрения видит предметы как бы изнутри, рассмотрение *sub specie aeternitatis* – извне. Так что предметы имеют фоном весь мир. Может быть, этот способ рассмотрения состоит в том, что предмет виден вместе с пространством и временем, а не в пространстве и времени. Каждая вещь обуславливает весь логический мир, так сказать – всё логическое пространство. (Напрашивается мысль): Вещь, видимая *sub specie aeternitatis*, есть вещь, видимая вместе со всем логическим пространством»⁷. Из этого достаточно тёмного пассажа можно вынести некоторое, хотя и неясное, понимание эстетики. Если попытаться сформулировать это понимание максимально широко, то эстетика – это видение мира с точки зрения необходимого. Отсутствие сужения понятия до необходимого как лишь логического пространства было в данном случае допущено сознательно, хотя, безусловно, логика, по Витгенштейну, входит в область эстетики. Поводом к этому послужило замечание Витгенштейна относительно этики на лекции, прочитанной им в 1929 или 1930 году: «Я собираюсь использовать термин «этика» <...> в смысле, включающем то, что считаю наиболее существенной частью эстетики»⁸. Значит, эстетика по своему содержанию включает в себя этику. Но так может быть, только если эстетика является видением мира с точки зрения необходимого вообще, а логическая форма как необходимое является лишь частным проявлением. В

³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Канон, 2008. – С.212 [6.41]

⁴ Здесь мир рассматривается как феномен, то есть как чудо.

⁵ *sub specie aeternitatis* – «с точки зрения вечности» (лат.)

⁶ «Счастлив тот, кто живёт не во времени, а в настоящем» - Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916. – М.: Канон+, 2009. – С.127

⁷ Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916. – М.: Канон+, 2009. – С.138

⁸ Витгенштейн Л. Лекция об этике (1929 или 1930) // Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916. – М.: Канон+, 2009. – С.331

этом смысле этика как взгляд на мир с точки зрения должного также является частным проявлением эстетики. Этика тоже смотрит на мир с точки зрения того, что находится вне мира, с точки зрения его смысла. «Этика не имеет дела с миром. Этика должна быть условием мира, подобно логике»⁹. Поэтому «этика трансцендентальна» [6.421], как и эстетика.

Ещё в древнегреческой культуре этика была тесно связана с эстетикой. Важнейшим понятием всей классической древнегреческой культуры было понятие λόγος. Как известно оно имеет три значения в переводе на русский язык: «слово», «закон» и «порядок». Необходимо помнить, что это лишь три значения в переводе, но для древних греков это было одно значение, один слитный смысл. Таким образом, для той культуры закон, понятие этики, и порядок, понятие эстетики, являлись едины. «Слово» отражает ту особенность λόγος, что он является умопостигаемым по своей природе. «Слово» провозглашает нечто. Это есть акт создания мира, но именно **такого**, так как мир не может быть никаким. Иными словами, «слово» провозглашает-создаёт онтологию космоса, то есть «порядок». Этот «порядок» для космоса является необходимым, так как он создан словом только один, а мира без какого бы то ни было порядка быть не может. Поэтому «порядок» есть для мира «закон». И так как весь мир подчинён этому «порядку»-«закону» во всех явлениях от роста цветка до должной организации государства, то он объединяет в себе как основания сферы этики и эстетики.

Из этого примера можно с достаточной точностью определить, в чём же «едины» этика и эстетика. Они нуждаются в основании, образце. Говоря словами Сократа, нечто прекрасно в соответствии с идеей прекрасного, нечто справедливо в соответствии с идеей справедливости. В этом смысле писал об этике и эстетике Витгенштейн много веков спустя: этика и эстетика трансцендентальны по отношению миру. Этика и эстетика не касаются того, как обстоят дела. Они определяют, как дела **должны** обстоять с точки зрения необходимости, то есть смысла мира.

Однако данная формулировка нуждается в дальнейших пояснениях. Затруднение связано со следующим вопросом: каким образом этика оказывается включённой в сферу эстетики, если необходимость логического пространства и необходимость этического закона имеют разную силу? Весь мир и наше мышление имеют в качестве формы логическое пространство, из которого невозможно выйти, а этический императив вполне может быть проигнорирован. Но данный вопрос происходит из непонимания всей структуры в целом. Дело в том, что для этики имеет значение не фактичность, а взгляд на эту фактичность с точки зрения должного. В фактичности нет этики. «Если, например, в

---

⁹ Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916. – М.: Канон+, 2009. – С.131

нашей книге-о-мире [Д.Ш. – книга, содержащая полное описание мира] найдём описание убийства, содержащее все физические и психологические подробности, то само описание этих фактов не будет содержать ничего, что мы могли бы назвать этическим предложением. Данное убийство окажется на том же самом уровне, что и любое другое событие – падение камня, например»¹⁰. Этика появляется лишь при взгляде на факт этого убийства с точки зрения должного, то есть с точки зрения волящего субъекта, который является носителем этики¹¹.

В этом смысле волящий субъект не может изменить мир, то есть факты в нём. Но он может изменить границу этого мира, так как его «взгляд» определяет эту границу. Значит, границу мира определяет эстетика и, в более узком смысле, этика. Что Витгенштейн имеет в виду под «границей» – об этом можно думать. С.В.Данько предлагает интереснейшую интерпретацию этого места «Трактата». Однако, что бы «граница» не значила, «мир счастливого совершенно иной, чем мир несчастного» [6.43].

Мысль, которая здесь для меня важна, заключается в принципиальном разделении в сфере познания фактов и оценки этих фактов. Конечно, существует довольно много теорий, вписывающих способность оценки, прежде всего моральной, в пространство фактов. Такие теории признают мораль очередным следствием ряда причин и следствий иного характера – природных, социальных и т.п. Однако Витгенштейн бы, я полагаю, ответил бы на это, что в таких ценностях нет никакой ценности. Иными словами, мы можем знать, что происходит в мире, по каким законам, однако эта информация сама по себе никак не заставит нас действовать определённым образом. Мы можем знать абсолютный моральный закон, но что в нём может принудить нас его исполнять? И даже полагая, что наше желание оставить себе пространство свободы является всего лишь полезным механизмом приспособления организма к среде, мы можем, тем не менее, не согласиться с таким положением дел. Речь здесь идёт о том, что познание в этой сфере – сфере ценностей – организовано совершенно особым образом, а именно, оно всегда связано с личным переживанием познающего, поскольку здесь он сам выступает и как объект познания. И та или иная теория о ценности становится «знанием» лишь потому, что познающий считает её ценной.

Ещё Кант заметил, что сфера свободы является лишь тогда, когда её желают – в противном случае можно спокойно продолжать жить в мире причинно-следственных

---

¹⁰ Витгенштейн Л. Лекция об этике (1929 или 1930) // Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916. – М.: Канон+, 2009. – С. 33

¹¹ Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916. – М.: Канон+, 2009. – С. 134

закономерностей. Иными словами, свобода «действует самим фактом, что это есть»¹². Мамардашвили кроме того указывает на то, что невозможно даже никому объяснить, в чём же состоит, собственно, свобода. Ведь «нельзя вообразить или предположить то, что должно быть само»¹³. Её можно только предположить. И это предположение или нежелание его делать тоже основано на чувстве ценности или отсутствия ценности самой свободы, что тем более приводит нас к невозможности дальнейшего поиска оснований. Свобода, таким образом, оказывается по природе своей перформативна, что значит, не доказуема, а утверждаема самим существом.

Итак, если подытожить всё вышесказанное, то основная мысль заключается здесь в следующем: в сфере ценностей (прежде всего моральных) познание организовано на совершенно иных основаниях, а именно, на тех, которые трансцендентны фактам в мире.

---

¹² Мамардашвили М.К. Философия и свобода [Электронный документ]. (<http://hegel.ru/mamardashvili2.html>)
Проверено 25.05.2014.

¹³ Мамардашвили М.К. Философия и свобода [Электронный документ]. (<http://hegel.ru/mamardashvili2.html>)
Проверено 25.05.2014.